

Оставив коня с монахами, Роберт медленно сошёл с холма на мощёную дорогу. Покуда светили последние лучи солнца, страшась не успеть, он торопился скорее достичь города. Хотя раз в жизни он имел право взглянуть на того, кто имеет силу, равную ему, даже если этот раз будет последним для обоих. Впрочем, если только женщин не стали жечь за зелёные глазки...

Укрытый под низенькими деревцами, росшими вдоль дороги, Роберт на миг остановился. Руки сами собой начертили в воздухе широкий круг, а внутри, разделив его на равные части, провели тонкие линии. В четвертинках он написал несколько рун и, когда заклинание собралось воедино, он просто захлопнул обряд руками. С этого момента его астральная оболочка стала видна лишь тем, кто имеет достаточно силы, чтобы проникнуть сквозь этот барьер. Этой хитрости он научился далеко в прошлом, когда книги всего мира были доступны к прочтению в храме Девяти.

Переведя дух, Роберт быстро зашагал вверх по дороге, то тут, то там поглядывая на поющих ко сну конотопков — маленьких птиц с коричневатой расцветкой, белыми щёчками и вкраплениями чёрных пятен.

Деревца наконец расступились, открывая вид на подъезд к городу. У ворот стояли в полудрёме стражники. Одетые, как на парад в красные сюрко поверх кольчуги и шлема с открытым забралом. На груди солдат, гордо подняв лапы, стоял золотой волк с императорской короной на голове — герб Империи Дорасса.

— Кто таков? Откель путь держишь? — спросил стражник справа от ворот, когда Роберт приблизился.

Серые глаза пристально посмотрели на монаха из-под кустистых седых бровей. С виду солдату было не меньше шестидесяти пяти.

— Дейл из Помории, — умело состроив поморский акцент, ответил Роберт, мысленно с улыбкой вспоминая друга.

— Пилигрим что ль? — усмехнулся другой, обнажая пеньки гнилых зубов. — Такие редко у нас встречаются. На ведьмино сожжение собрались, светлейшество?

— Почти, — покачал головой Роберт, натянуто улыбнувшись. — Молвят: ведьма злючая, да редкая. Вот я и решился наведаться сюда да на зло во плоти поглядеть!

— Это ж ради этой бабы ты прямо с княжества приволокся? — удивился первый.

— Нет! Я с Горбока, в храме служу.

— И как там в Горбоке? — не унимался старик.

— Потихоньку, — ответил монах.

— Ладно, проходи, — взмахнул рукой второй, — токмо поспешай, скоро-то казнь состоится! И это, как всё закончится, не поспешай из города, заходи в «Сытого Инквизитора», что на Хвойной улице, нам всё в подробностях с утреца расскажешь!

— Где это? — подняв бровь, поинтересовался Роберт.

— Прямо по главной улице иди, таверна на углу с большу-ущей вывеской, мимо не пройдёшь.

Монах поклонился и, пройдя сквозь ворота, сразу же ощутил сильное угнетение чьей-то невероятной силы. В сердце закралась тревога — как бы его не вычислили.

Серые полуразрушенные дома некогда пестрившего красками Веднуса сразу попались на глаза Роберту. Построенный при Волдере Прекрасном в сорок первое лето, его гордо называли Жемчужиной Запада. Тяжело было смотреть, спустя почти полвека, на измученный злом город. Крыши из красной черепицы обсыпались, кое-где прогнив, провалились. Стёкла в окнах местами выбиты, на многих дверях были нарисованы кресты с пометкой о жильцах. Похоже, из города часто бежали; реже — помирали от неизвестных болезней или казни. Но от того не становилось лучше. Казалось, будто даже темнеющее небо старалось омрачить открывшиеся виды.

Роберт тяжело вздохнул, оглядываясь по сторонам. Он вспоминал, как бывал в тех или иных местах во времена Второй Демонической Войны. Чуть пройдя от южных ворот, он вскоре натолкнулся на нужную таверну - «Сытый Инквизитор», где часто пропадал и откуда всегда уползал на плече единственного друга. Воспоминания, как нож по сердцу, вызвали жуткую боль. Давно забыв о гибели друга и родителей, позабыв о несчастьях, что преследовали его в жизни, он вновь окунался в вязкий омут, на дне которого поджидала смерть.

Пройдя пару кварталов по главной дороге, он уткнулся в тупик. Улица была перегорожена, а за высокими баррикадами слышались брань и вопли ужаса. С трудом подавив желание вмешаться, Роберт нырнул в переулок. Ему нужно было спешить, внутренний голос призывал его явиться на «ведьино сожжение», как выразился стражник на воротах.

Свернув в переулочек, он двинулся дальше, вглубь города. Шёл недолго: метров через двадцать дома расступились и пред взглядом предстала площадь, усеянная горящими факелами. В сгустившейся темноте Роберт не сразу разглядел, что это были магические огни, зажжённые десятками инквизиторов.

В центре главной площади Веднуса возвышался изрядно обгоревший столб, вокруг которого плотно уложили хворост, обильно политый смолой. Роберт, не отрывая взгляда от места жертвоприношения, вклинился в ряды зевак, беспардонно расталкивая их в стороны. Дойдя до второго или третьего ряда (сложно было понять в этой мешанине), он со сдавленным дыханием остановился, ожидая грядущей казни.

Долгое время над площадью слышался галдёж; ночь же тем временем обрела свои права, оставив всё в крошечной темноте, местами разгоняемой огоньками. Когда уже терпение монаха стало сдавать — гул голосов затих, а над городом вновь разнеслось траурное пение колоколов. В дальнем конце площади появился первый инквизитор, он нёс в руках факел, ярко озарявший всё кругом. Следом вышли ещё двое, а за ними плелась абсолютно нагая, совсем юная девушка. Измазанная в грязи и зарёванная, она уже не сопротивлялась, двигаясь к месту казни. Несмотря на ночь, её белая кожа разрывала темноту, словно лучик света.

Роберт усилил зрение магией, разглядывая совсем детское лицо, обрамлённое русыми длинными волосами, прилипшими к телу, тем самым закрывая идеальные формы. Кое-где виднелись кровоподтёки и ссадины. Инквизиторы изгалялись над бедным ребёнком, а она, имея немалую мощь, даже не постаралась её применить, пусть не для укрощения обидчиков, так хотя бы для собственной безболезненной кончины. Роберт сжал кулаки, сдерживая порывы ненависти, однако, не сдвинулся с места.

Позади девушки вышли ещё трое замыкающих, на груди последнего виднелся знак раскрытого глаза с алым камнем вместо зрачка. По площади тут же разнеслась быстрая волна гула:

«Глава... это глава!», вскоре затихнув вдали.

Глава — лучший среди лучших инквизиторов, чьи действия были вознаграждены высоким постом управления Инквизицией в определённых округах Империи. Выше главы восседал только великий инквизитор, чьё имя среди народа звучит крайне редко и с опаской.

Медленно процессия вышла к середине площади, а затем, соблюдая все «традиции», выстроилась вокруг столба. Девушку схватили под руки и, приподняв над землёй, затащили вверх по приставным ступеням. Даже сейчас она не дёрнулась, чтобы помочь себе, принимая мучительную смерть. Опустив голову и тихонько всхлипывая, она терпела, как обгоревшие чёрствые цепи обвивают и режут её тело, сдавливая грудь и шею, как между тем гадкая рука инквизитора трогала её, бесцеремонно поглаживая те или иные выпуклости.

— Прошу... — простонала она, — прошу, не надо.

— Закрой рот, сука! — сквозь зубы прошипел инквизитор, взмахивая рукой. Послышался хлопок.

Заскулив, девушка закусил губу. Роберт содрогнулся, сжав зубы до треска. Сердце его сдавливала боль, а душа порывалась помочь. Злость постепенно захватывала каждый участок его здравомыслия, оставляя лишь слепую ненависть.

Вскоре убрали ступени, а опустевшее место забросали хворостом. Тот инквизитор, что шёл первым, громогласно произнёс: «Да очистится тело твоё священным огнём! Да избавится мир от чёрной погани! Отпускаю тебя, дочь моя, пусть Девятеро примут твою душу!». Факел вылетел из его коротких пальцев, падая аккуратно между ветками. Полыхнуло пламя.

Быстро расползаясь, оно вскоре потянулось к ногам девушки. Запахло палёной кожей. «Ведьма» взвыла, тщетно поджигая обугливающиеся ноги. Роберт на секунду застыл, на глаза навернулись слёзы. Воздух подёрнулся. Лишь чувствительный мог увидеть тонкую рябь, окружавшую кострище, словно оболочка. Монах чувствовал, что эта самая сила сдерживает чары девушки, не давая ей уничтожить ни себя, ни город.

Оглядевшись, Роберт увидел лица окружавших его инквизиторов. Эти ненавистные, полные жажды крови глаза и рты, искажённые в самодовольной ухмылке, вызывали тошноту. Не в силах себя сдерживать, он смахнул проступившую слезу, а после, расталкивая богомерзких существ, направился прочь.

Мгновение и потоки силы извилились, словно в костре, а после раздался громкий, пугающий взрыв. Костёр полыхнул изнутри, мгновенно сжигая дотла кричавшую девчущку. Инквизиторы резко переменились в лице: недоумевая, они пялились на пламенеющий пузырь. Глава тоже напрягся, смотря на неожиданный финал. Его глаза, спрятанные под капюшоном, удивлённо расширились, а взгляд быстро забегал по рядам ошеломлённых собратьев. В то же время, к несчастью для столпившихся вокруг костра — пузырь лопнул, поливая окружающих магическим огнём.

Крики ужаса и боли пронесли над площадью, леденя кровь. Горящие инквизиторы катались по земле, сбивали друг друга, перекидывая пламя. Только Роберт, стиснув зубы и сжав кулаки, медленно шёл, не оглядываясь на суматоху. Диверсия прошла успешно, осталось только незаметно покинуть город. Роберт быстро миновал переулок и главную улицу, а когда практически дошёл до ворот, его вдруг окликнули. Медленно обернувшись, он встретил внимательные взгляды инквизиторов, столпившихся позади.

— Роберт, — вперёд вышел глава, сложив пальцы в замок на груди, — я почувствовал тебя в толпе, но думал, что ошибся. Однако же нет, вот он ты, жив, здоров... и сил не растерял! Я очень долго тебя ждал... Впрочем, куда подевались мои манеры? Будь здоров, мой старый добрый друг, — с головы инквизитора упал капюшон — Роберт вздрогнул.

— Не может быть...

89-е лето, 3-й день Силантдар

Окрестности города Болтака

— Тише! — зашипела она. — Ещё один звук, и ты расстанешься с жизнью!

Высокая девушка в зелёном измазанном походном костюме и того же цвета плаще с капюшоном склонилась над стонущим коренастым мужчиной, в народе называемым гномом. Нога лысого с реденькой бурой бородой существа застряла в капкане, зажавшем её чуть выше колена. Хватая дрожащими пухлыми пальцами оборванные кожаные брюки, он тщетно старался вытащить ногу из тисков.

Пара находилась на обочине узкой грунтовой дороги, что пролегала сквозь грабовый лес недалеко от Болтака — самого северного города Империи. В размокшей колее, повернувшись оглоблями к северу, застряла гружёная телега, запряжённая мулом.

— Сделай же что-нибудь-удь!.. — взвыл гном, оголяя жёлтые щербатые зубы.

— Заткнись, илдхан! — воскликнула девушка, поглядывая на трещащие вдалеке кусты и совсем не обращая внимания на вонь из пасти гнома.

Гном, блеснув почти белыми радужками глаз, со страхом глянул сначала на разъярившуюся спутницу, а затем - на приближающееся рогатое существо, покрытое тёмно-зелёной чешуёй. Мужчина, сотрясаясь от ужаса, поднял руку, указывая на двухметрового монстра с острыми как бритва когтями.

— Раздери тебя корвах! — сплонула девушка, вынимая из-за пояса короткие изогнутые мечи с золотистой гравировкой. — Я сейчас, — бросила гному.

Она быстро поднялась, и, молниеносно развернувшись на пятках, бросилась вперёд, на существо. Лапа твари едва задела её, но кровавый след всё же перечеркнул с виду хрупкое плечо. Девушка юркнула под лапу и тут же нанесла удар в открытую зону, разрывая связки. Следующий удар метил в голову, но монстр увернулся, предотвращая скорую кончину. Размахнувшись шипастым, увесистым хвостом, он попытался садануть противницу. К несчастью, шипы, целившиеся прямоком в грудь противницы, прошипели вблизи, оставив затхлый шлейф от яда.

Одного прыжка хватило девушке, чтобы оказаться на спине существа. Грациозно вывернувшись, будто кошка, она кувырнулась над его головой, вонзая оба меча на стыке шеи и

крепкого черепа. В тот самый момент гном услышал лишь хруст и грохот.

— Твоё счастье, илдхан, — вытерев мечи, бросила она, приближаясь, — что лесной чёрт оказался мне по зубам. Иначе переваривался б ты у него в желудке. А теперь... — девушка взмахнула мечом, а затем рубанула ногу гнома. Жуткий вой, пробирающий до костей, разнёсся над лесом.

Русые волосы, сплетённые в косу, большие голубые глаза и бледноватый оттенок лица были свойственны людям, пришедшим с севера, однако заостренные ушки и ярко выраженный акцент выдавали в ней ас'гул — дитя Изумрудного Леса. Её нередко называли «полукровка» — это было правдой, но вдогонку часто доносились слова, оскверняющие её мать, мол: «дитя изнасилованной гулы» или «чадо гульской шаболды». За это не раз проливалась кровь, обычно из носа, но бывали и летальные исходы.

Молодая Аррия, чьё хрупкое тело источало странный внутренний свет, на поверку оказалось крепким, будто гранит. Таща на себе грузное тело потерявшего сознание гнома, она пыхтела и ругалась, но неслась. Кровь, стекавшая с его отрубленной ноги, залила подол плаща и штаны с сапогами, не помог даже крепко наложенный жгут.

— Какие же вы свиньи, илдхан! — скривив остренький нос, бросила она.

Выйдя на опушку леса, Аррия выдохнула, увидев Болтак.

Большей своей частью город простирался на равнинной местности, кроме цитадели — она находилась на высоком холме, заключённом в крепостную стену. К счастью, девушке нужен был лишь квартал местных рудокопов, располагавшийся едва ли не у самого леса, вдоль дороги.

Кряхтя, она поправила сползающую тяжёлую тушу гнома и пошла дальше. Не замечая удивлённых и испуганных взглядов, девушка целенаправленно шагала к дому прораба. У самых дверей покосившейся халупы её остановил крепкий хмурый гном с киркой на перевес. Выглядывая из-под грозно сдвинутых бурых бровей, он окинул Аррию взглядом. Медленно обошёл кругом, разглядывая собрата, также медленно вернулся на место, словно ничего и не случилось.

— Ты к Рузаду? — пробухтел он.

Бледная девушка лишь устало кивнула. Руки неукротимо начали неметь, а ноги подкашиваться. Старожила хмыкнул, но отворил дверь, уходя прочь с дороги. Аррия быстро завалилась в полумрак, бросая на пол почти очнувшегося горе-рудокопа. В нос ударили резкий запах табака вперемишью с тонким ароматом хорошего вина.

— Что за!.. — вскрикнул Рузад. Наполовину лысая голова, обрамляемая тонкой полосой иссиня чёрных волос, быстро повернулась к нарушителю спокойствия.

На звук обернулись и остальные гномы. Все пятеро сидели у стола, в руках они держали игральные карты. Самый дальний так раззявил рот от удивления, что курительная трубка выпала, рассыпая по столу тлеющий табак. Два гнома, что сидели ближе к двери, быстро подскочили и метнулись к раненому собрату.

— Что ты с ним сделала, сука?! — завопил Рузад, надвигаясь на неё со сжатыми кулаками.

— Слышь, плешивый, — встала в стойку Аррия, — не наезжай на меня. Я этому илдхан...

— Не называй нас так, полукровка! — возмутился рыжебородый с выбритой полосой волос поперёк головы. Он аккуратно приподнял раненного собрата, оттаскивая к лежаку.

— ...жизнь спасла, — после пары секунд молчания продолжила девушка. — В курсе, что твой дружок угодил в капкан, поставленный специально для лесного чёрта?

— Гезил, падла, — вдруг перевёл внимание Рузад, — а ну иди сюда, голомордая скотина!

— Да? Что? — собрав наконец табак в трубку, подбежал гном без растительности на лице.

— Это ты капканы устанавливал! — отпуская звонкую затрещину, орал прораб. — Говорил тебе, твою мать под телегу, не надо ставить капканы вблизи рудника! Говорил? Говорил! Так какого хрена поставил?! — и вновь прозвучал звонкий хлопок от оплеухи.

— Я... я... — теребя подгоревший край фартука и мужественно терпя удары, замялся Гезил.

— Головка от ху... а-а-ай, к чёрту иди, тупая образина! — махнул рукой Рузад. Наконец наступила очередь Аррии. — Так что там с чёртом?

— Лежит недалеко от тропинки, — недовольно ответила девушка, высокомерно задрав подбородок, — телеса греет.

— Так он живой ещё что ли?

— Нет.

— Вот спасибо тебе, полукровка! — захохотал Рузад, почёсывая задницу. — Всю кровь нам, паскуда, испортил! До рудников через лес-то ближе ходить. На вот, держи, — вложил ей в руки мешочек с империалами, — заслужила!

Рузад, довольный и весёлый, хлопнул по плечу гнома, обречённо глядящего на раненого друга. Направился к столу и более не обращая внимания на гостью, выглушил полный стакан вина. Аррию передёрнуло от отвращения.

Она молча вышла из хибары. На улице её встретили всё те же удивлённые взгляды, хоть и не было у неё за спиной полудохлого илдохан. Скривив личико, искажённое шрамом над левой бровью, она пошла вперёд, изяществом не уступая ас'гул.

Аррия? Кто эта девушка и почему так знакомы её голубые глаза? Я вижу в ней силу... Невообразимую силу, которой она даже не пользуется. Но почему именно её вижу я? Хм... А что если?.. О да! Да! Её глаза так знакомы! Дочь Роберта? Наверняка! В ней течёт его кровь, сила, его вера в живое и невероятная воля. Я чувствую это... Или это не чувства? Похоже, мне предстоит долгий путь с многими лицами, как бы не запутаться среди них! Как бы не забыться в пустоте...